

Раппапорт Г. М.

13.01.01

• ПЕРВЫЙ РЯД, ГОД 1966

Известия, — 2001, — 13 янв. — с. 10

«Два билета на дневной сеанс»

Денис ГОРЕЛОВ

Самым тоталитарным знаком препинания справедливо слывет не утверждающий восклицательный, а чопорные кавычки, обесценивающие правильные понятия. Точно так же самой советской спецслужбой седых времен был не грозный КГБ, а подкольный ОБХСС. В то время как комитет карающим восклицательным знаком вырубал недругов государства, обэхаэсэсники ставили в тиски кавычек и компрометировали вполне разумные и естественные понятия — «инициатива», «бизнес», «обогащение», «спекуляция», «расчет».

На заре 60-х этой службе было чем заняться. Сталинское правосудие по-сингапурски «шаг вправо — секир-башка» стало более вегетарианским, денежная реформа и коммунистические эксперименты Никиты по окрестыванию систем управления, уничтожению мелкого сельского собственника и передаче правоохраны от профессионалов любителям открыли шлюзы для масштабного становления торгпредственности. Зримый рост благосостояния средних слоев делал менее заметными капиталы торговых магараджей, личный автомобиль и ресторанный досуг перестали быть поводом пристального внимания заинтересованных органов. Вальяжные хищноглазые расхитители в летних сандалиях и шляпах с дырочками полезли на экран в «Ночном патруле», «Деле Румянцеве», «Високосном годе», «За витриной универмага». Жуки с гаденышками фа-

миллиами Ползиков, Межук, Шмыгло, Малютка, Цецаркин, Изумрудов тучей застали солнце честным производственным (именно тогда установилась практика ни в коем случае не давать хищникам капитализма нормальных человеческих имен — все 40 последующих лет их звали либо Ферапонтиков, либо Пузановский). Хрущев столкнулся с вечной дилеммой освободителя: распускаешь вожжи — затягивай гайки, разрешаешь почти все — свирепо карай за оставшееся. Тут-то скромный отдел борьбы с хищениями соцсобственности и вышел в общенациональный фавор.

Унылый труд сыщиков-бухгалтеров, офицеров с арифмометром, пинкертонных накладных и доверенностей вдруг резко подскочил в цене: половина подведомственных им второсортных статей УК в одночасье стала подрасстрельными; в 61—62-м Хрущев ввел смертную казнь за взыточничество, частный валютнообмен, хищения в особо крупных размерах, уголовное преследование за приписки и искажения отчетности, усилил ответственность за мелкую спекуляцию. Перешедший к обороне мир завгаров, завмагов и завбазов спешно наводил мосты с откровенным блатьем: выросшие ставки требовали более изощренной системы безопасности. Запахло романтикой, капитаны ОБХСС стали чаще бывать в тире. Мастера культуры долго запрягали и в 66-м восславили неприметный отдел картиной Герберта Раппапорта «Два билета на дневной сеанс».

Раппапорт сделал из тухлой истории неучтенных излишков

советский вариант film noir, черного кино — падчерицы американского послевоенного криминала. Жанр возник в начале 40-х на контрасте войны и процветания, окунувшим Америку в сети хитроумной мидл-классовой уголовщины. Расчетливые кисоньки с сигаретой умело подстрекали к непрощаемому отличных парней, вчерашних ветеранов, так и не поспевших к большому скачку, совершенному Штатами в тот момент, пока весь остальной мир сходил в смертельном бою на Тихоокеанском, Средиземноморском и Центральном театрах военных действий. Полосатые тени жалюзи ложились на лица уголовных неафиш, собравшихся урвать много и сразу. Здесь и Сейчас. Сыщики-пропойцы, ежечасно получая по морде, лезли в частные владения уважаемых людей пересчитывать трупы. Взращенные мрачной школой немецкого киноэкспрессионизма 20-х титаны студии УФА Уайлдер, Преминджер, Дитерле, Ланг бежали от Гитлера в Голливуд, создав там уникальную по состоянию тревожного минора жанровую эстетику. В черном фильме не было положительных героев и хороших концов, чем он и был приемлем для совэкрана, но стиль искушал профессионалов.

Лобастые детективы в полутемных кабинетах, нижний свет холостяцких берлог с мини-баром на тыльной стороне ростового портрета шатенки в бикини, пустующие к ночи ангары лабораторий, узкие пружинные лезвия вблизи слишком любопытных носов, гибкие тени переодеваю-

щихся студенток в окнах пединститутской общаги — это уже были реалии раппапортской картины; казалось, фильм снимался не в России и тем более не через два года после тучного хрущевского бесстилья. В той великой волне беглых немецких кинограндов середины 30-х Герберт Морицевич Раппапорт был единственным, кто не прижился в Голливуде и реэмигрировал в Россию в самое пекло Больших Чисток. Лишь 30 лет спустя он получил возможность поэксплуатировать новейшие фобии человечества и выжал из ситуации все. Испуганное почтение пред всемогущей неорганической химией, порочная притягательность вестернизированных малин с торшерами, коктейлями и заграничными журналами, особая аура прибалтийского транзита, разор свежих могли с очными ставками над гробом, в котором скрипичный футляр, в нем драгоценности, а в них кощеева смерть, — вся эта пряная таинственность графично контрастировала с акварельными шестидесятическими свиданиями под зонтом, реками озабоченных прохожих на улице и дневной, легальной жизнью лейтенанта ОБХСС Александра Алешина, со своим неоконченным химическим образованием засланного в глухой махинаторский тыл колб и пробирок. Диссонанс усугублялся шерстяными кепками сотрудников в пику шегольским шляпам мафиози и положительными бесцветными фамилиями Алешин, Андреев, Николаев наперебор всякой нечисти под названием Сабадаш или Ардальон Тихонич. Все было в русле обычного

На сей раз боксер-легковес Александр Збруев обошелся без хука справа

милицейского жанра — и все выпало из него. Умыкаемый с фабрики чудо-порошок элон метили радиоактивными изотопами, подпольные империи держали связь через кресло 16 в 19-м ряду кинотеатра «Ударник», и даже блат-хатская шалава была эстонкой в лифчике одного номера с Мэрилин Монро — этой ролью Людмила Чурсина обогатила свой набор непокоренных секси-ведьмочек душистых сеновалов и каменных джунглей.

Сюжет, естественно, вихрился вокруг падшего ангела, бывшего неперменным мотивом хмурого черного кино: в годы скачковых общественных трансформаций, какими были для США 40-е, а для нас 60-е, многих положительных хлопцев увлекла кривая дорожка, льняные кудри да быстрые деньги. Ломкий и взвинченный химический гений Либедянский, сидя на длинном цеховом поводке, произносил горячечные монологи об искушении, опустошенности, кусал кулаки и рвал страницы диссертации — в Штатах таким полагался стопроцентный деревянный макинтош, да и 12 лет спустя копия Либедянского доцент Лыжин из «Лекарства против страха», чиркнув спичкой в неосвященной лаборатории, налетал на 9 граммов из ПМ, — но на этот раз менты вовремя подслушались, спровоцировали добровольную явку с повинной и чис-

тосердечную помощь следствию. Раскусить внедренного лейтенанта, кстати, не составило труда — явный боксер, в постоянной фирменно-збруевской стойке: группировка вполборота, плечи возле ушей, подбородок в ключицу, — он не бил по лицу.

В сиквеле «Круг» — о хищении опиума-сырца с химфармзавода — Раппапорт форсировал сходство с жанровым канонам: профессор сухих и мокрых дел, мозгом изощренной банды налетчиков и поджигателей оказывалась властная и остроумная миледи-фармацевт, роскошная змея с картами, пистолетом, дворянским именем Ольга Свешникова и хлыстом потомственной тренериш верховой езды.

Советские энциклопедии связывали рождение вскормившего Раппапорта экспрессионизма с неприятием демократической интеллигенцией вещного буржуазного мира. Демократическая интеллигенция советских органов сыска категорически не принимала наступающий буржуазный мир, била его по длинной волосатой лапе, не давая отдыха, но давая срок. Это позволило завершить отечественный черный фильм дрожащих теней, нервных рук, тяжких сомнений и уникальных унижений свежоотмытым советским троллейбусом и семейным счастьем эстонской Кармен.